

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

Сергей
ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ

ЛЕГИОНЕР, ПРИШЕДШИЙ С МИРОМ

Мишель Мазур

Сергей Зверев

Легионер, пришедший с миром

«Научная книга»

2008

Зверев С. И.

Легионер, пришедший с миром / С. И. Зверев — «Научная книга», 2008 — (Мишель Мазур)

Командир отряда Иностранного легиона Мишель Мазур получает несложное на первый взгляд задание. С подразделением миротворцев он должен отправиться в Косово и взять под контроль разгорающийся сербо-албанский конфликт. Прибыв на место, легионеры применили новейший психотропный генератор, управляющий эмоциями людей. Внезапно албанцы похищают бойца из отряда Мазура и в качестве выкупа требуют уникальный генератор. Миссия Мишеля под угрозой, но бывший российский спецназовец опускать руки не привык... Книга также выходила под названиями «Легионер» и «Балканский легионер».

© Зверев С. И., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Легионер, пришедший с миром

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Глава 1

Вечер, опускавшийся на горы, уже окрасил их в темные тона. Постепенно, не спеша, темнота поднималась выше и выше, скрывая все в полумраке. Солнце закатывалось за горизонт, чтобы исчезнуть до утра и появиться на другом краю земли. Над Косовским краем наступала тишина. Вершины выделялись на фоне неба разновеликими очертаниями. Небо чернело все больше, превращаясь в огромный звездный ковер, на котором рассыпались узоры-созвездия и большой бледный серп месяца. Казалось, все звуки дня отошли ко сну и затихли до утра.

Там, впереди за перевалом, лежала долина, а здесь громоздились горы. Дорога вилась то влево, то вправо, лавируя среди утесов. И вот в тишине послышалось негромкое урчание автобуса, взбиравшегося по извилистой дороге вверх. Фары выхватывали из темноты огромные камни, громоздившиеся по бокам дороги, знаки, обозначающие опасность этого маршрута. В автобусе, несмотря на поздний час, весело шумели детские голоса. Автобус с албанскими детьми ехал из Приштины, столицы края Косово и Метохия, в город Призрен. Машина уже находилась на перевале. Внезапно перед автобусом в свете фар выскочил олень. Молодое, еще неопытное животное, поводя боками, испуганно смотрело на приближавшуюся махину. Автобус затормозил.

– Смотри! Смотри! Настоящий лось! – изумленно воскликнул кто-то из детей. – У него даже рога есть!

– Это никакой не лось! – пренебрежительно заметил более опытный знаток природы. – Ты что, не видишь, это олень?

Дети, повскакав с мест, сгрудились у лобового стекла.

– Он совсем не боится! – восхищенно обсуждали дети прекрасное животное. Немного постояв, олень легко вскочил на валун и, перескакивая с камня на камень, понесся вверх по склону. Колонна отправилась дальше. Дети, расшалившись, наполняли автобус веселым визгом и криками.

– Отдай телефон!

– Сам возьми! – Дети баловались и забавлялись.

– Дайте поспать!

Крики в автобусе заставили водителя прикрикнуть на детей, притворно хмурия брови:

– А ну, успокоиться сейчас же! Вы мне сейчас автобус в пропасть столкнете!

Растрезвоженный детский улей немного притих.

Очередной поворот открыл за окнами автобуса великолепный вид на долину внизу. Там находилось несколько деревень, и только далекие огоньки, мерцающие во мраке, говорили о том, что внизу живут люди. Ночь дышала спокойствием и тишиной. Дети наконец утомнились. Кто-то уже спал, у кого-то только начинали слипаться глаза, но в целом автобус напоминал сонное царство.

Водитель, парень лет двадцати восьми, крутил баранку, тихонько насвистывая себе под нос. Ему сегодня не особенно хотелось отправляться в такую трудную дорогу. Ничего удивительного – несмотря на то, что за несколько лет работы здесь он уже здорово набил руку и прекрасно знал маршрут, ехать посреди ночи, в темноте и по горам – дело непростое. Но главное было еще и в том, что буквально пять дней тому назад была сыграна свадьба, где он являлся главным действующим лицом – женихом. Невеста, теперь уже жена, попалась ревнивая, и у нее не вызвали никакого удовольствия ночные работы свежее испеченного мужа. Почему-то молодежи взбрело в голову, что ее муженек ночью крутит не только баранку, но и кое-что еще. Переубедить ее в обратном было совсем непросто и требовало немалой настойчивости. Но работа есть работа, и от возможности неплохо заработать было бы глупо отказываться.

Неожиданно тишина была грубо нарушена. С горных вершин ее разрезала стрельба. В одну минуту переменялось все. Казалось, что ночь раскололась на тысячи мелких осколков, каждый из которых звенел и трещал. Кромешную темноту расчертили огни трассеров. Светящиеся цепочки проносились роем стальных светлячков, неся с собой смерть. Оглушительные взрывы рядом в одно мгновение заставили детей вскочить на ноги.

– Что это?

– В нас стреляют?

– Я боюсь! Мне страшно! – кричали и плакали дети.

Какофония звуков продолжалась: звучали автоматные очереди, гремели взрывы, ухал миномет. Водитель автобуса, проклиная все на свете, выкручивал руль.

«На этом перевале всегда что-то происходит, – думал он, поглядывая на трассирующие цепи. – Недаром его зовут Чертовым седлом. Но такого здесь еще не случалось».

– Тихо вы! – прикрикнул он на ошалевших от страха детей. – Сидите спокойно, иначе вы перевернете автобус.

– Что с нами будет?! – Плач все усиливался.

– Говорю вам, спокойно! – успокаивал он всех. – Мы же не одни, с нами едут миротворцы. Вы сами видели, это солдаты, у которых есть оружие, и они защитят нас в любом случае.

Водитель хорошо знал эту дорогу. Будучи сам из здешних мест, он еще мальчишкой пас на горных склонах коз. Однако в этой ситуации оставалось надеяться только на удачу, а она, похоже, отказалась сегодня помогать им. Идущий впереди перед автобусом БМП миротворцев сотряс взрыв.

– Фугас заложили! – пробормотал вполголоса водитель.

Ситуация становилась совсем плохой, автобус остановился. Из подбитого БМП на землю посыпались солдаты. «Голубые каски» залегли, беспорядочно паля по горам. Однако кто и откуда конкретно вел огонь по конвою, было совершенно непонятно.

Водитель автобуса беспомощно оглядывался вокруг. Дети, потеряв контроль от охватившего их ужаса, с криками металась по салону, не зная, что им делать. Водитель тоже не понимал, как же поступить. Назад дороги не было – трассеры секли и позади автобуса. Путь впереди загораживал подбитый БМП. Оставлять детей в салоне было опасно, выводить под огонь – тоже. В следующую минуту очередь прошла по борту автобуса. Вдоль борта зияли пулевые отверстия. Происходящее превратилось в кромешный ад. Крики и плач детей слились со звуками стрельбы и взрывов в один сплошной рев.

– Нет, вы как хотите, а я погибать задаром не нанимался, – пробормотал водитель. – Я уж лучше пережду.

С этими словами парень, скрючившись, выскользнул из машины и, пригнувшись, стал пробираться вдоль автобуса. Огонь еще более усиливался. Дети попадали на пол, стараясь хотя бы так избежать смерти. В школах и даже в детских садах дети военного Косово даже проходили специальный инструктаж, где их учили, как вести себя в той или иной ситуации.

Край, в котором вот уже несколько лет не стихала война, воспитал целое поколение людей, не представлявших жизни без войны. Хуже всего, что это были дети. В отличие от своих сверстников, скажем, в Германии, Швеции или Португалии, они жили совсем в других условиях.

Страшная ночь продолжалась. Миротворцы старались вести огонь туда, откуда летели выстрелы, но все это не приносило никакой пользы. Они были вынуждены играть вслепую. В отличие от них, невидимые враги, похоже, прекрасно ориентировались в местности и во всем происходящем. Огонь, который велся по ним отовсюду, был таким плотным, что почти не давал возможности поднять голову.

Следующий взрыв оказался роковым – автобус перевернулся набок. Выстрел из миномета попал точно в цель. Из салона донеслись вопли детей.

– Сволочи, что делают! – пробормотал сержант миротворцев, оглянувшись назад. – Пускай бы по нам стреляли, но ведь дети!

– А для них все равно, дети или нет, – ответил лежащий рядом солдат. – Уж такие сегодня войны. Главное, побольше страху нагнать. А там, как известно, транспорты с беженцами начинают покидать целые районы.

Тем временем стрельба стихла так же внезапно, как и началась. В горах вновь воцарилась тишина, нарушаемая только стонами и плачем детей.

Водителю автобуса, у которого не выдержали нервы, надеявшемуся переждать беспокойное время в более безопасном месте, так и не удалось реализовать свою идею. Он лежал за автобусом навзничь. На лице застыл ужас, а спину его пересекала автоматная очередь. Жертве достались три пули, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы прервать жизненный путь беглеца.

– Ну, что там? – крикнул сержант.

– А что ты хотел в такой ситуации?! – слышались голоса. – Есть жертвы.

Солдаты вытаскивали детей через разбитые стекла. Многие пострадали. Большинство плакали, кто-то стонал, кто-то лежал на руках без сознания. Окровавленные лица рассказали бы больше, чем любые цифры и теоретические раскладки в отчетах по конфликту в Косово.

Миротворцы пострадали не меньше. Среди солдат четверо были ранены и трое убиты. Особенно не повезло солдату, погибшему последним: взрывом миномета ему оторвало ноги. Когда его принесли на перевязку, он еще дышал. Однако потеря крови была слишком большой – солдат умер на руках у товарищей.

Горы вновь дышали тишиной и прохладой. И если бы не подбитые машины, трудно было поверить в то, что еще несколько минут назад здесь все сотрясалось в грохоте взрывов. Неизвестный противник исчез бесследно. Бандитам ночные горы были, похоже, прекрасно известны. Здесь нечему было удивляться – скорее всего, большинство из них был местными и знали эти места как свои пять пальцев.

– Что на связи? – обратился сержант к связисту.

– Помощь будет через полчаса, сэр! – ответил связист. Его тоже зацепило: левая рука белела свежей повязкой.

Глава 2

Спустя несколько часов место трагедии переменялось кардинально – сигналы о бедствии достигли своих адресов. Вой карет «Скорой помощи», подъезжавших одна за другой, противно звенел в ушах. Из машин с красными крестами выпрыгивали врачи, санитары и отправлялись к детям. Работы здесь хватало. Хотя все обошлось не так плохо, если, конечно, можно было так сказать.

«Скорые» принимали в свои салоны пострадавших ребятишек. Все получили свое. Кто-то отделался царапинами и ушибами, а примерно треть детей пострадала от пуль. Были убитые и раненые. Детские тела, накрытые простынями, поспешно увозили по горной дороге. Живых и легко пострадавших усаживали в автобусы и также отправляли побыстрее отсюда. Ошеломленные дети, окровавленные, в изорванных одеждах, садились в автобусы, стараясь быстрее покинуть это страшное место. На их перепачканных лицах были самые разные выражения: от дикого ужаса до тупой безразличности, вызванной глубоким шоком.

– Да, – комментировал пожилой врач, наблюдая невеселую картину, – сколько работаю, насмотрелся всякого. И из-под горящих обломков людей принимал, и разорванных на части шивать приходилось, но вот к детским трагедиям привыкнуть никак не могу.

Его коллега вздохнул.

– Я тоже все понимаю: война там, выяснение отношений взрослых людей, но при чем здесь дети? – Он со злостью плюнул и замахал руками.

– Эй, куда же вы носилки-то заносите! – возмутился он. – В следующую машину, в следующую!

– Мама! – зарыдала девочка на носилках.

Ей уже успели кое-как вытереть лицо, залитое кровью, но еще недавно белоснежное платье было покрыто багровыми пятнами. Причем кровь была не своя, а соседа справа. Мальчик, сидящий рядом в момент обстрела, вдруг уткнулся ей в плечо, заливая ее кровью. Выйдя из первого шока, она с ужасом увидела перед собой открытое чрево машины.

– Нет, я не хочу больше в автобус, мне страшно!

Несчастливого ребенка занесли в машину, стараясь как-то успокоить, но сделать это без укола оказалось невозможно. Лишь после инъекции она смолкла.

Свет прожекторов заливал место происшествия. Кого здесь только не было: врачи, военные, журналисты...

Последние подкатили сразу на трех машинах. Это надо было видеть: работники прессы, словно выполняя нормативы, опрометью посыпались из редакционных авто и как ужаленные принялись бегать, высматривая лучшие места. Специфика работы требовала скорости и оперативности, работа шла на опережение.

Место трагедии оцепили растяжками пояса безопасности. Несколько представителей командования военных вполголоса обменивались какими-то замечаниями, указывая на остатки того, что еще совсем недавно было машинами.

– Когда вы прибыли?

– Совсем недавно. Сообщение было нами получено еще два часа назад, но вы же сами знаете, пока сюда доберешься...

– Да, это не улочки Женевы.

Картину деловитости и серьезности нарушило появление местных албанцев. Крики, издаваемые ими, быстро переросли в вопли. Женщины голосили, плакали, бросались на оцепление, заливаясь слезами. В воздухе слышались проклятия. Мужчины с темными от гнева лицами разражались гортанными выкриками. По методу исключения местное население было уверено, что детей убивали сербы.

– Ублюдки! Мы вам еще отомстим!

– Будьте вы прокляты!

– Вы посмотрите, они пришли, уже будучи уверенными, что все это совершили сербы, – усмехнулся один из военных. – Вам не кажется это странным?

– Да, действительно, забавно выглядит, – согласился собеседник.

– Проклятые сербы! Убийцы! – разлетались вокруг звуки десятков голосов.

– У них же здесь страна мести. Если что – вырежут всю семью.

– Да, вот ведь нравы...

Мужчина в погонах закурил сигарету. Он уже навидался всякого на своем веку. За год службы в этом беспокойном крае пришлось насмотреться на такое... Он присутствовал при эксгумации трупов расстрелянных и захороненных в горах. Он наблюдал последствия обстрела албанских деревень. Он разглядывал древние иконы с выколотыми глазами в разрушенных албанскими боевиками-учкистами сербских храмах. Но это был новый, не встреченный ими доселе эпизод кровавой междоусобной бойни в таком красивом крае. Там, где, казалось бы, могли спокойно уживаться и сербы, и албанцы, и православные, и мусульмане. Там, где сама природа настраивала на мирный лад. Но вместо этого он уже привык видеть кровь, разрушения и трупы. Часто обезображенные до неузнаваемости...

Тем временем журналисты развернули свою деятельность. Представители двух каналов, вольно или невольно соперничая между собой, торопились слепить сюжет. От мелькания представителей прессы рябило в глазах. Спешно были установлены камеры, и перед ними, словно два брата-близнеца, стали репортеры. Разница была разве что в комплекции. Если один из них был человеком упитанным, то второй – худощавым. Впрочем, ни тому, ни другому это не помешало с пулеметной быстротой выговаривать отрывистые фразы. Все дело было в том, что та самая картинка – пострадавший автобус – лучше всего была видна из одного и того же места, поэтому соперничающие организации волей-неволей вынуждены были находиться рядом. Злобно поглядывая друг на друга, они вели свои героические репортажи.

– Буквально несколько часов назад на перевале произошла эта ужасающая трагедия... – говорил представитель канала, опередивший соседа совсем ненамного.

– Невероятное злодеяние случилось здесь совсем недавно. Автобус с детьми-албанцами был хладнокровно расстрелян неизвестными... – говорил второй.

– ...местное население ясно дает понять, чьих рук это дело. – уверенно вел свою линию толстый. – Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чьих рук это дело.

– ...чтобы не быть голословным, обратимся лучше всего к представителям местного населения. Что вы скажете об этой трагедии? – обратился с вопросом его коллега к стоящим за ограждением албанцам.

– Шакалы! Проклятые сербы! Они надеются уничтожить наших детей, они хотят, чтобы здесь, на албанской земле, не было нас! – выкрикнул албанец, стоявший ближе всего к микрофону.

– Это им не удастся! Мы не свиньи, которых можно гнать на убой!

– Оцепление! Держите оцепление! – встревоженно воскликнул один из представителей военных. – Они же сейчас прорвут его.

Солдаты с трудом сдерживали разъяренную толпу, готовую сокрушить все на своем пути.

* * *

На следующее утро на базе дислокации подразделения «голубых касок» было шумно. Миротворцы готовились к отбытию назад, их срок пребывания в Косово подошел к концу. Через пару дней они должны были улетать во Францию. Паковалось и укладывалось имущество.

В кабинете находились командир подразделения «голубых касок» и вышестоящий представитель миротворцев. Командир, голландец, только что закончил свой рассказ о вчерашних событиях. Засада на дороге дорого обошлась миротворцам – были убитые и раненые.

– Таким образом, семь человек мы потеряли, – закончил он свое сообщение.

Капитан, представитель командования, прибывший недавно, задумчиво подкрутил ус.

– Ваши солдаты проявили себя с наилучшей стороны, – оценил он действия миротворцев. – В сложившейся ситуации мы считаем, что ваши действия заслуживают похвалы.

Командиру подразделения страшно осточертели эти Балканы, Косово и все, что с этим связано. Ему хотелось на родину, в прекрасный город Амстердам, туда, где нет войны и крови. Туда, где тишина и покой, где вдоль улиц каналы, где много красоток, где можно спокойно покурить травку, не думая о том, что в следующее мгновение можно подорваться на mine.

– Как вы теперь, по прошествии времени, оцениваете ситуацию в Косово? – поинтересовался представитель командования. – Всегда интересно знать точку зрения человека, который знает ситуацию изнутри. Какие перспективы вы видите по ходу урегулирования?

– Как я оцениваю? – кисло усмехнулся лейтенант. – Вы хотите правды?

– Ну, конечно, – кивнул капитан.

– Я пробыл здесь достаточное количество времени, чтобы иметь право высказываться, – сказал лейтенант. – Мы бывали в самых разных местах и во всяких переделках. Последнее, вчерашнее, дело говорит о том, что это не пустые слова.

– Да, конечно, – подтвердил капитан.

– Так вот, мое мнение таково: ничего хорошего в ближайшие годы ждать не стоит. На этих Балканах никогда порядка не было и не будет. Вспомните всю историю – бесконечные войны, резня одного народа другим, и каждый считает себя правым.

У капитана было, видимо, другое мнение на этот счет. Закурив, он сказал:

– Вот, кстати, на днях прибывает ваша смена. Звери! Эти уж порядок наведут.

– Дай-то бог, – усмехнулся голландец. – Пусть попробуют, может, у них что-то и выйдет.

Пренебрежительно улыбаясь, он уже видел себя далеко отсюда.

«Все, по окончании контракта выхожу в отставку, – думал он. – С меня хватит. Всех денег не заработаешь, а сходить с ума или остаться калекой я никогда не собирался».

– Как проходят сборы? – спросил капитан. – Какое настроение у солдат?

– Да что нам собираться? Мы люди военные. А настроение отличное. Пора назад!

Глава 3

Во Франции, в Тулузе, на плацу на одной из многочисленных баз Иностранного легиона, разбросанных по всей стране, проходило построение. Стройные шеренги легионеров принимали в свои ряды пополнение. Над плацем неслись звуки оркестра, придававшие церемонии особую торжественность. Легионеры были одеты в свою классическую парадную форму: белая сорочка, красно-зеленые погоны и, конечно, белое высокое кепи с козырьком, давшее одно из неофициальных названий легиона.

Высокий светловолосый офицер принимал пополнение и в свой взвод. Теперь, после отбора из десятков других желающих, после 14-недельного курса молодого бойца – настоящего ада для многих, после основного задания – учебного десантирования, они становились настоящими легионерами. Теперь законно покинуть службу солдаты могли только по истечении пятилетнего контракта. А он давал многое: неплохие деньги, которые зарабатывались, правда, часто потом и кровью, и возможность получения французского гражданства, и возможность в будущем стать офицером. Все это и привлекало сюда людей со всех концов света. Во всем мире Французский Иностраный легион считается образцом военного формирования. Однако попасть сюда очень непросто.

Блондин-офицер отдавал команды, естественно, на французском, однако легкий акцент выдавал в нем славянина. Адъютант Мишель Мазур действительно был славянином, а если точнее – русским. В свое время он прошел все начальные ступени солдата легиона. Теперь же он пользовался заслуженным авторитетом.

Среди пополнения Мазур обратил внимание на богатырски сложенного молодого человека, с явной «среднерусской» физиономией. Простодушного вида боец с пшеничного цвета волосами и веснушчатым носом напомнил Мазуру о родине.

– Взвод, слушай! – продолжал Мазур. – Подчиненное мне подразделение в составе миротворческого контингента отправляется в Косово и Метохию. Отсюда – следующая информация: по приказу начальства все уроженцы Балкан переведены в другие части, которым ставятся другие задачи. Я думаю, никому не надо объяснять, почему? Пополнению и предстоит их заменить.

После соответствующих распоряжений Мазур отдал команду разойтись. Секунду назад ровный строй рассыпался на осколки, и легионеры стали покидать плац.

Идя следом за подчиненными, Мазур дождался, пока Семенов – такой была фамилия новичка, – останется один. Он окликнул солдата, естественно, по-французски.

– Я! – вытянулся тот.

– Прошу со мной, – пригласил он новичка к себе в кабинет.

Легионеры поднялись на третий этаж, в кабинет Мазура.

– Проходи, садись.

Усевшись за свой стол, Мазур пристально взглянул в лицо Андрея.

– Ну что ж, давай познакомимся. Я твой командир взвода, Мишель Мазур, если ты уже успел это запомнить. В числе моих обязанностей – знать все о своих подчиненных. Как ты должен понимать, работа у нас непростая, и в каждом из своих солдат я должен быть уверен если не на сто, то на девяносто процентов.

– Ну, это понятно. – Парень вздохнул, готовясь к разговору.

– Русский? – неожиданно в лоб спросил Мазур, перейдя на родной язык.

– Русский... – машинально ответил тот, а затем уставился на офицера:

– А вы... тоже?

– Да, и я тоже, – продолжил русскую речь Мазур. – Твой соотечественник, из Питера.

– Не может быть! – изумленно протянул парень.

На его круглом, белобрысом, веснушчатом лице была такая гримаса удивления, что это очень позабавило Мазура.

– Я бывший офицер морпеха, глубинная разведка. Известно тебе такое?

– Слышал, и сталкиваться приходилось. Элитные части, – все еще не веря своим ушам, произнес Семенов.

Он разглядывал во все глаза своего начальника, словно какое-то невиданное чудо.

– Бумаги твои я всегда успею посмотреть, но мне важнее живое общение. Давай-ка подробно: что, кто да откуда. Мне же нужно знать, чем ты дышишь.

– В смысле? – непонимающе глянул на него парень.

– Почему ты завербовался в легион? – усмехнулся Мазур.

Да, по всему было видно, что здоровьем и силой бог бойца не обидел, но наивен он был до ужаса. Дальнейший рассказ окончательно убедил в этом Мазура.

– А чего мне дома торчать? Я сам детдомовец, жил в Тамбове. Пошел в армию, служил в десантуре. Дембельнулся, осмотрелся. Пока был в армии, думал – выйду на гражданку, все будет классно. А на самом деле... Жизнь – дерьмо, правительство – фуфло, подруга врет, что от меня забеременела, – с подкупающе простодушными интонациями и с каким-то забавным говорком начал рассказ Семенов. – Жить негде, родителей нет. Че мне – каждое второе августа лезть в фонтан и громить прилавки кавказцев? Надоело...

– Ну и что же, неужели ничего найти для себя не смог? – поинтересовался собеседник. – Вокруг тупик и некуда податься?

Он с едва заметной хитрецей в глазах поглядел на Семенова.

– Ну а куда же пойдешь-то? В бандиты идти не хочу, в менты – противно. Жить надо, а денег заработать негде. Вот и купил автобусный тур до Парижа, соскочил – и в пункт вербовки. Слава богу, здесь оказался, не зря десантником был. Так здесь же смысл есть в службе, – парень расплылся в широкой улыбке. – Через пять лет выйду на гражданку, с французским паспортом, шестьдесят кусков евро в кармане, за это время замочу кучу всяких отморожков. Поселюсь в Париже, буду кататься на «Пежо» последней модели, без пробега по СНГ, трахать французскую телку, курить «Житан» и плевать с Эйфелевой башни. – Парень излагал свои планы очень незатейливо, а откровенен был потому, что перед ним сидел соотечественник.

«Да, – подумал Мазур, – на собеседованиях при зачислении в легион парень явно говорил совсем другое».

Слушая этого недалекого, но какого-то подкупающего своей наивностью и простотой русского парня, Мишель даже проникся к нему симпатией. Вот он, весь был перед ним, как на ладони. Он слушал и понимал, что-то плохое, что есть в нем, – всего лишь от небольшого ума, широты души и несобранности.

«Ничего, – решил Мазур, – русские своих в беде не бросают. Перевоспитаем».

Слушая разглагольствования Семенова, собеседник иронически поглядывал на пышущую здоровьем физиономию нового героя.

– Дурак ты! А еще десантура... – поморщился Мазур. – За пять лет тебя сто раз могут убить. – Он пронизательно в упор взглянул на Семенова, невозмутимо проронив: – А теперь говори честно: почему решил из России удрать?

Семенов махнул рукой.

– В карты проигрался! – наконец полностью открылся он. – Как понесло меня тогда – аж страшно вспомнить. Проиграл все, что было, да еще и расписку оставил...

– Что ж ты так?

– Да с кем не бывает, – сокрушенно почесал затылок любитель карточных развлечений. – В общем, ничего другого мне не оставалось, сам понимаешь...

– Все ясно, – заключил собеседник. – А французский язык где выучил?

Семенов никак не походил на любителя лингвистики, и действительно, знание им французского вызывало удивление.

– Да нас в детдоме по гуманитарной линии во Францию каждое лето на оздоровление посылали во французские семьи, вот и наблатькался, – оживился новичок.

– Все ясно, – заключил Мазур, решив взять парня на заметку. – Значит, будем служить. Но смотри не думай, что, если я русский, так тебе буду поблажки давать, – расставлял раз и навсегда акценты адъютант. – У нас тут нет русских, немцев, поляков, китайцев, алжирцев... В легионе – все братья, как в десантуре! Понял?

– Так точно, – посерьезнел Семенов. – Что же я – не понимаю? Сам прошел...

– Вот и отлично, – кивнул командир.

В дверь, постучав, вошел солдат, доложивший, что Мазура вызывает начальство. Судя по интонациям, дело было очень срочным и не менее ответственным.

– Осваивайся пока, – сказал Мазур Семенову, вставая из-за стола. – Смотри, слушай, мотай на ус.

Глава 4

На следующий день эпопея албанских детей, пострадавших в горах, продолжалась. Их привезли в Призрен и разделили в соответствии с ситуацией. Часть попала в больницы, часть отправилась по домам, ну а тех, у кого в Призрене не было родственников, предложили взять в семьи жителям округа.

Традиции помощи своим на Балканах очень развиты. Здесь встречаются и пережитки кровной мести, когда за преступление может быть вырезана вся семья, а то и целый род. Обычай такой же мрачный, как и старый, и засел он слишком глубоко, чтобы исчезнуть в одночасье под натиском новых времен. Но с другой стороны, вековые традиции взаимопомощи часто оказываются спасительными для людей несчастных, обездоленных. Скажем, если ребенок остался без крова, он всегда найдет себе новый дом.

Балканы – уникальный регион. Здесь, как нигде в Европе, смешалось добро и зло. Трогательная забота о родных, о стариках, детях, почитание предков и рядом – ненависть к соседнему народу, который часто становится злейшим врагом. И тогда берется в руки оружие, гремят выстрелы, падают бомбы, и костлявая смерть ловко косит людей направо и налево.

К детскому учреждению, где временно содержались дети из сгоревшего автобуса, одна за другой подъезжали машины. Те, кто не мог по каким-то причинам взять ребенка, старались прийти и принести пострадавшему одежду, книгу или что-нибудь вкусное.

Прекрасно одетая женщина, с чертами настоящей леди, приехала к приюту на шикарном авто. Она выбрала мальчугана с заклеенной пластырем щекой, вызвавшего у нее жалость и сострадание. Оказалось, что женщина была владелицей виллы в окрестностях Призрена. Вид несчастных детей пробудил у нее такие чувства, что она взяла еще одного ребенка – смуглую симпатичную девчущку.

Следующей была девочка лет семи-восьми. Между ней и ее соседкой происходил выбор очередной семьи, состоящей из жены властного вида и мужа, типичного подкаблучника. Они долго думали, в конце концов остановившись именно на этой девочке.

– Она напоминает мне сестру, – заявила женщина мужу. – А Лидия – это мой самый любимый человек. Ведь мы с ней выросли вместе и, пока жили в семье, были неразлучны.

– Так ведь ты же все уши мне прожужжала своими рассказами о том, как много она причиняет тебе проблем, – усмехнулся мужчина.

– Что значит «мне проблем»? – вскипела супруга. – Можно подумать, что мы живем отдельно. Мои проблемы – это и твои проблемы.

На этот раз муж счел за лучшее предусмотрительно промолчать. То, что проблемы жены становятся его собственными проблемами, он знал давно. Женившись на такой привлекательной в молодости особе, он рано понял, что чувства часто бывают обманчивы и столь же часто превращаются в унылую многолетнюю жизнь вместе.

– К тому же, – продолжала жена, – это сейчас Лидия сильно изменилась. После того как связалась с этим негодяем Кемалем. А в те далекие времена, когда сестра была такой вот миленькой девчущкой, плохих черт у нее не наблюдалось. – Она, прищурившись, покачала головой. – А ведь я предупреждала еще тогда: этот злодей погубит ее! И ведь так оно и вышло. Он бросил бедняжку с двумя детьми и скрылся. Как тебя зовут, девочка?

– Фетти, – тихо сказала девочка.

– Отлично! – воскликнула женщина. – Хорошее имя, мне нравится. – Ты, наверное, голодна?

– Нет, нас здесь покормили. – Девочка теребила в руках пакет с яркой картинкой.

– Покормили! – фыркнула пышущая здоровьем матрона. – Разве здесь могут накормить? Консервы, кока-кола, гамбургеры – знаем мы эту кормежку! От нее можно стать инвалидом в два счета.

Глядя на дородную, пышущую здоровьем женщину, легко можно было догадаться, что к кулинарии она относится очень серьезно.

– Нет, девочка, у меня ты поймешь, что такое наша албанская кухня. Настоящая, без всяких этих новомодных штучек. Простая, вкусная и здоровая! Все, Фетти, собирайся, мы едем домой.

Один за другим дети отправлялись в самые разные семьи Призрена.

Среди оставшихся был мальчик лет семи, которого не забирали, так как на все расспросы он ничего не отвечал. Возможно, это являлось последствием сильного испуга или полученной при падении контузии.

К нему подошли двое.

– Привет! – улыбнулась молодая симпатичная девушка лет девятнадцати. – Я Ледина, а тебя как зовут?

Мальчик мельком взглянул на нее и уставился в пол.

– Не хочешь говорить? – удивилась девушка. – Ты нас не бойся. Мы местные, а это мой дедушка Мирел.

С этими словами она указала на стоявшего рядом старика. Тот выглядел таким морщинистым старичком-боровичком. Было видно, что, несмотря на свои годы, он еще здоров и энергичен. Длинные, пожелтевшие от табака усы были закручены вверх, а сам он приветливо усмехался.

– Здравствуй, малыш, ну что, поедешь с нами? Мы живем в горах, на ферме, где много овец.

Мальчик продолжал молчать. На грязном лице не отражалось никаких эмоций.

– Ты только посмотри, дедушка, что же это делается, – повысила голос Ледина. – Это все они, сербы! Они убивают нас, убивают стариков и детей! Ну, ничего, они еще наплачутся! Все зверства, причиненные нам, отольются им кровавыми слезами. Скорее бы их всех отсюда выгнали! Они молятся Богу в своих храмах, а сами тем временем творят зло на нашей земле.

Старик, слушая свою радикально настроенную внучку, молчал, хмурия брови. Мальчик, казалось, не обращал внимания на то, что творилось вокруг. А рядом забирали остальных детей.

– Да брось ты его, Ледина, доставать, – нахмурил брови старик. – Ты что, не видишь, в каком он состоянии? Тут у кого хочешь язык отнимется. Ничего, паренек, поедем с нами. Я знаю, что такое горе, сам навидался.

Старик взъерошил волосы на голове мальчишки.

– Все. Поедем. Здесь тебе нечего делать, – решил он.

Выполнив надлежащие формальности, Мирел и Ледина Касаи вывели из помещения мальчика. Вымазанный, в изорванной одежде, с измученным лицом, он выглядел самым настоящим символом трагедии, символом войны. Впрочем, так же воспринимались и все дети, оказавшиеся в тот день в злополучном автобусе.

Они вышли за ворота. Рядом стояли машины людей, приехавших забрать несчастных, пострадавших детей. У Мирела Касаи была древняя машина эпохи Иосипа Броз Тито – «Застава». Мальчик испуганно оглянулся.

– Не бойся, маленький, – обняла его девушка. – Теперь тебе нечего бояться. Ты с нами и сейчас будешь в безопасности.

– Довольно относительное это понятие – безопасность, – пробурчал в большие усы старик. – Особенно в наших местах.

– Дедушка, ну зачем ты пугаешь мальчика. Ты же видишь, в каком он состоянии? Поехали лучше домой.

– Так я уже давно готов, – подмигнул старик.

«Застава», натужно урча мотором, двинулась вверх по улице. Мальчик, сидя у девушки на коленях, бросал короткие взгляды по сторонам, как будто что-то искал.

– Ты не голодный? – спрашивала девушка, заглядывая ему в глаза. – Ну, хотя бы кивни...

– Не приставай! – сказал дед. – Вот приедем, тогда и накормим парня. Неважно – кормили его или нет, в его возрасте нужно питаться побольше.

Выехав за город, машина повернула вправо и стала подниматься в горы. Там, в горах, на одиноко стоящей ферме и жили Мирел и Ледина Касаи. Машина, дребезжа, катилась по каменной дороге.

– Ну что, заснул? – кивнул Мирел, выкручивая руль.

– Да, спит, – ответила девушка, тихонько глядя мальчика по взлохмаченной голове.

Мальчишка, лежа у нее на коленях, то и дело дергался, вздрагивая во сне.

– Немало, видно, мальцу досталось, – задумчиво произнес старик. – Да, тяжело в его-то годы такое испытать.

– Ты ведь тоже, дедушка, многое пережил?

– Да уж, пришлось и на мою долю немало, – вздохнул старик. – Я, правда, постарше его в те годы был... И разрушения, и смерти, и бомбежки, и расстрелы – всякого навиделся. Да ведь и сама видишь, сейчас немногим лучше. Что ведь больше всего, внучка, и обидно. Одно дело, когда войну пережил десятки лет назад. Тогда ведь и времена совсем другие были. А сейчас вроде все могли бы понять, что нельзя больше убивать друг друга. А оно вон как опять получается...

– Как же мы его звать-то будем? – рассуждала тем временем девушка. – Хоть бы он имя свое сказал. Ты ведь разговаривал по поводу его документов?

– Да говорить-то я говорил, – вздохнул старик, – но что толку? Никаких документов у него нет. То ли сгорели, то ли вообще не было. А кто и откуда – расспросить не успели. Все те военные, которые были вначале, уехали. Так что пока у нас никаких данных нет.

– Бедный ребенок, – вздохнула девушка. – Как же ему, несчастному, пришлось мучиться... Ну, ничего, у нас он отдохнет, наберется сил, а там родители его найдутся.

Машина карабкалась в гору. Справа был почти отвесный обрыв, слева стеной поднималась гора. Иногда казалось, что машина вот-вот сорвется с узкой дороги и упадет в пропасть. Однако ни старик, ни девушка не проявляли никаких признаков беспокойства. Было видно, что дорога эта известна им до мелочей. Старик, сосредоточенно поглядывая вперед, уверенно управлял своим старьем. Во рту у него дымилась трубка. Мальчик мирно спал, не видя извилистой и опасной дороги.

Глава 5

Неподалеку от Тулузы, на полигоне Иностранного легиона, проходили учения.

Вызванному в штаб Мазуру была поставлена учебная задача: перед отправкой в Косово его подразделение на полигоне должно захватить и удерживать небольшой условный поселок до высадки десанта, не давая тем самым противоборствующей стороне уничтожить местное население. Роль противника выполняло аналогичное подразделение того же легиона. По легенде учений, события разворачивались в европейской стране с тлеющим межэтническим конфликтом – в ней однозначно угадывалась бывшая Югославия, край Косово и Метохия. Туда в самом скором времени и отбывал взвод Мазура.

– Что за детские игрушки для нас, командир? – поинтересовался Семенов у Мазура.

Легионер и сам был в некотором недоумении. Действительно, проведение этих небольших учений выглядело довольно странным мероприятием. Ведь все легионеры имели отличную подготовку и готовы были действовать в любой точке мира. Мазур, хоть и не был обязан, все же объяснил ситуацию, как он сам ее понимал:

– Во взводе пополнение, и командование решило убедиться в слаженности действий.

Поначалу все шло хорошо. Мазур и его люди грамотно проникли в поселок – здания условного поселка были построены на полигоне. Роль мирных жителей и захвативших поселок боевиков выполняли манекены и контурные мишени – так, как это обычно и бывает.

Мишель обратил внимание на действия Семенова, который теперь был в какой-то степени его подопечным. Тот был хорош... нет, действовал он, конечно, грамотно, но только в своем понимании. Мазур, качая головой, наблюдал, как ретивый вояка сперва забросил гранату в окно, а уж после проверил, кто же был в доме – боевики или мирные жители. Ворвавшись в очередной дом, Семенов косил всех направо и налево и лишь потом выяснял, в кого же попал.

Мишель, едва сдерживая смех, слышал, как тот сконфуженно заметил:

– А, так здесь мирные... жители.

После очередного этапа Мазур терпеливо вправлял ему мозги:

– Мы не каратели, а миротворцы. Понимаешь, не мирные жители существуют ради нас, а мы существуем для того, чтобы их защищать. Миротворцы – это те, кто разводит противоборствующие стороны по разные стороны баррикад, и при этом миротворцы однозначно должны восприниматься положительно обеими сторонами.

– Ну, если это еще сербы будут, так туда-сюда, – ответил Семенов. – Они же православные. А если мусульмане... Резать их к чертовой матери, чего их жалеть!

Как убеждался Мазур, Семенов в некоторых вещах был поразительно дремуч. Иногда у Мишеля возникало такое ощущение, что парень только что свалился с неба и плохо понимает, кто он и для чего он здесь. Вот это и удивляло: ведь был строгий отбор, месяцы учебы, инструктажи, тесты и прочее. Пускай, думал Мазур, Семенов заблуждается в тонкостях политики и прочих, более сложных, вопросах. Но основы – кодекс миротворца – он обязан знать, как воинский устав. Поэтому при каждом удобном случае Мазур прочищал ему мозги:

– Если мы не установим мир в Косово, то ни одного серба там точно не останется... Чем больше ты будешь гнобить мусульман, тем сильнее они потом на сербах и оторвутся, пойми ты, дурья башка!

Понемногу, постепенно, но Семенов вроде начинал что-то понимать. Тем временем поселок уже был занят подразделением Мазура, бойцы вели учебный бой, не давая условному противнику вновь проникнуть в населенный пункт. Все шло по плану...

И здесь Мазур почувствовал, что происходит что-то из ряда вон выходящее. Нет, вроде бы ничего такого не случилось. Солнце продолжало светить точно так же, как и полчаса назад, все так же дул ветер. Никаких посторонних звуков тоже не слышалось. Но вдруг ему показа-

лось, что он стал другим. Все его мысли вдруг изменились. Он остался Мишелем Мазуром, но только все стало не таким. В один момент адъютант вдруг утратил всякий интерес к дальнейшему продолжению учений, к учебному, да и вообще всякому сопротивлению. Мазур почему-то не мог сделать ни одного выстрела в противника даже холостыми.

– Что это со мной? – проговорил он вслух, сам себе удивляясь.

Голос, его голос, звучал как будто издали. Он огляделся, удивляясь тому, что даже движения его стали вдруг какими-то замедленными, заторможенными. Вокруг, среди бойцов его подразделения, происходило абсолютно то же самое. Его боевые ребята превратились в каких-то замороженных субъектов. Те, кто бежал, остановились и присели. Те, кто стрелял, прекратили огонь. Причем удивление, с которым Мазур наблюдал это, было внутри, как будто он – это не он.

Вокруг творилось что-то немыслимое. Мистика, дурной сон, иллюзия? Понять это никто не мог. Глаза солдат стали мутными, бессмысленными, как будто пьяными. Находящийся рядом с ним легионер, присев в ложбинке, сорвав цветок ромашки, принялся с мечтательным видом, не спеша обрывать лепестки – один за другим. Все это напоминало детскую игру «любит-не-любит». Возможно, будь это кто-то другой, то вопросов могло бы и не возникнуть. Но если учитывать, что этот солдат был в прошлом активным участником Ирландской республиканской армии, на счету которого было не одно шумное дельце, то можно было по меньшей мере сильно удивиться.

Еще один из взвода Мазура тем временем тоже с пользой проводил время. Лежа на боку, бросив автомат, он заходился бессмысленным смехом. Смех, овладевший им, просто душил беднягу. Но что интересно – было видно, что солдат смеется не по собственной воле. Какие-то черты в лице явственно показывали, что причина смеха коренится не в нем самом, однако ничего поделать он не мог. Легионер заходился в сильнейшей истерике и вскоре не мог даже смеяться, задыхаясь от новых приступов.

Несколько человек вообще потеряли сознание и лежали в нелепых позах. Один из них уткнулся в лужу, к счастью для него, слишком мелкую, чтобы в ней можно было утонуть.

На сержанта, с которым Мазур съел уже не один пуд соли, тоже стоило бы обратить пристальное внимание. Этот надежный, как автомат «АК-47» человек, уставившись в пустоту, разговаривал... сам с собой. Не выпив ни грамма спиртного, не употребив никакого наркотика (да он их и не употреблял), он нес полный бред.

– Да-а... хе-хе... конечно, само собой. Еще бы, да! Я никогда и никому еще. Даже и не думайте! – грозил он кому-то пальцем, замолчал ненадолго и продолжал свое: – А почему бы и нет, а? А вот я знаю... знаю, но не скажу.

Затем его содержательный разговор плавно перешел в другую фазу – песенную. Широко раскрыв рот, как будто сержант готовился проглотить солнце, как всем известный крокодил из сказки, сержант заревел:

– Когда я вернусь к тебе, моя Мери, ты будешь больше не моя!

Пропев пару куплетов этой широко известной в Уэльсе песни, он вновь принялся за свои «рассуждения».

Бойцы прекратили бой и сложили оружие.

* * *

Через четверть часа незаметно для себя Мишель стал приходить в чувство. Наваждение (а он все время чувствовал, что это – наваждение) рассеялось. Вокруг стоял «условный противник», а оружие бойцов Мазура было в их руках.

Мишель, словно оплеванный, тихо сгорая от позора, сидел на траве, стиснув пылающие виски ладонями. Такого он и представить себе не мог. Он, на счету которого... нет, не может

такого быть. Это сон, какой-то страшный сон, стоит только проснуться! Однако не стоило себя и щипать, чтобы понять, что все это – реальность. Реальность, в которой Мазуру быть не хотелось.

Нет, он, конечно, знал о том, как военные сходят с ума. От страшного нечеловеческого напряжения, от того, когда рядом с тобой гибнет целый полк, а ты остаешься жив, тогда, когда ты сам становишься причиной гибели сотен человек. Но ведь здесь ничего такого не было! Происходили всего лишь обычные учения, которых на его веку было бесконечное количество. Мазур начинал ощущать, что у него тихо «едет крыша».

Рядом обалдело собирался его взвод. Солдаты негромко переговаривались, и на лицах их было написано недоумение и растерянность. Никто ничего не понимал.

В этот момент рядом, на дороге, находившейся в каких-то пятидесяти метрах, затормозил автомобиль, в котором прибыло командование. Это был позорный финал.

На пределе последних возможностей, физических и моральных, Мазур скомандовал:

– Взвод, смирно!

– Вольно! – махнул рукой полковник Петэн.

Рядом с полковником был майор Гордон и еще несколько офицеров из штаба. Они пристально всматривались в лица солдат, а главное – в лицо адъютанта Мазура.

– Господа, – произнес, наконец, полковник, – вы можете не волноваться. Никто из нас не сомневается в вашем профессионализме адъютанта. Сейчас мы все объясним. Просто здесь было задействовано...

Пояснения командования донельзя впечатлили всех присутствующих. Учитывая особенности акции по разведению враждующих сторон и небывалый градус конфликта в Косово, руководители миротворческого контингента решили применить одно небанальное средство – так называемое психотропное оружие. Этим самым чудо-оружием, приведшим к такому странному состоянию боевых ребят Мишеля Мазура, стал низкочастотный генератор.

Этот аппарат, способный влиять на психику больших масс людей, был создан еще в 1973 году. Прибор способен направлять их поведение в любое русло – от агрессивного до умиротворенного. Его «фишка» – в сочетании различных направленных частот, влияющих на психику. В настоящее время использование его запрещено всеми существующими международными конвенциями. Генератор представляет собой прибор размером со средний бытовой холодильник, с пультом управления.

Еще одним потрясением для легионеров стала его демонстрация. К взводу, вышедшему на дорогу, подкатил бронированный микроавтобус.

– Вот здесь и находится наш прибор, – произнес полковник Петэн, любовно похлопав по корпусу авто. – Управляет им всего один оператор.

Сидящий в автобусе человек показался наружу.

– Поль Верлен, – представился он.

– Так вот, – продолжал полковник. – Взводу, которым командуете вы, и предстоит охранять микроавтобус в Косово. Ну, а для наглядности мы решили продемонстрировать действие прибора на вас самих. Чтобы знали, с чем имеете дело.

– Да уж, теперь мы все прекрасно понимаем, о чем идет речь, – ответил Мазур.

Он оглянулся. Напряженные лица его подчиненных прекрасно отражали их потрясенное состояние.

– Ну, вот и отлично! – усмехнулся полковник. – Не ката в мешке теперь повезете. Отдыхайте, ребята, а мы с адъютантом еще побеседуем.

– Разойдись! – скомандовал Мазур.

У него, несмотря ни на что, было множество вопросов.

– Но ведь он же действует на обе враждующие стороны и соответственно будет влиять на миротворцев? – недоуменно спросил Мишель.

– На этот вопрос лучше всего ответит наш специалист, господин Вокур, – полковник представил Мазуру невысокого чернявого парня.

Тот кашлянул и пригладил волосы.

– Во-первых, излучение в основном направленное. Так что действие волн максимально концентрируется на противнике. А, во-вторых, низкочастотные волны довольно надежно экранируются металлом, поэтому ваши люди будут прибывать на места конфликтов в специально оборудованных машинах. Выглядят они почти как обычные, но на окнах поставлены мелкие медные сетки-экраны. Выглядит, словно защита от камней... В основном предполагается использовать генератор на мирном населении, во избежание конфликтов...

– В смысле?

– Ну, поскольку мирное население является основной силой конфликта...

– Насколько мне известно, такие генераторы запрещены международными конвенциями, – заметил легионер.

– Это уж, извините, не ваша забота, – сказал полковник. – На вас возложена конкретная задача, ее и надо выполнить.

Глава 6

Вилла, стоящая в горах неподалеку от албанской границы, находилась в безлюдной местности. Если рассмотреть ее поближе, то становилось ясно, что это, скорее, мини-крепость, окруженная колючей проволокой, на дальних подступах к которой находились дозоры. Пулеметные гнезда, отлично замаскированные в скале, надежно охраняли виллу. Да и в видеокамерах недостатка не было, делавших территорию вокруг просматриваемой и контролируемой.

Эта вилла была резиденцией знаменитого Казима Хайдари, человека, возглавлявшего силы косовских албанцев, или косоваров этого региона. Известен он стал давно, но занял важное положение именно сейчас. Несмотря на внушительное количество охраны, основные события проходили именно внутри коттеджа.

Хозяин усадьбы в этот вечер принимал гостей. Они были почти такими же, как и его личная охрана, как и его соратники. Это были люди в военной или полувоенной форме, перетянутые кожаными ремнями, на которых висели пистолеты, а на лицах было ясно написано, что занятие, являющееся их основным, – это война. Но еще больше удивились бы мирные сербы и албанцы, если бы увидели, что же за гостей принимает сегодня в своем роскошном доме человек, претендующий на главного борца за независимость Косово.

Каминный зал выглядел внушительно. Сразу было видно, что хозяин дома питал слабость к охоте. Головы оленей, лосей, кабанов украшали стены. В центре зала стоял большой, богато убранный стол. Всю поверхность его укрывали разнообразные закуски и многочисленные, разных размеров бутылки. Сегодня здесь собрались люди, которым было о чем поговорить и что обсудить. По одну сторону восседали албанцы, так называемые учкисты, по другую – сербы. Несмотря на кровную вражду, на горы трупов и сожженные города и деревни, беседа здесь протекала в полном согласии. Казалось, что это была встреча старых друзей. Да так, собственно говоря, оно и было на самом деле. Все дело в том, что здесь проходила секретная встреча между лидерами двух сторон – главарями банд, которые лишь на словах, перед прессой, выдавали себя за законных представителей конфликтующих сторон. На самом деле – это была уголовная шваль, отбросы, для которых война – мать родна. В отличие от албанских бандитов–учкистов, отряды сербских незаконных формирований назывались четниками. Хайдари и Пелагич вели себя вполне дружелюбно.

– Твое здоровье, – ухмыльнулся Казим, поднимая рюмку с ракией. – Желаю тебе, чтобы пуля, отлитая для тебя, никогда не нашла того самого ствола, откуда она должна вылететь.

– Постараюсь дожить до ста, – оскалил зубы Божидар. – Хоть некоторые желают мне противоположного, но я не из тех хлюпиков, которые рыдают потом на скамье подсудимых.

Божидар Пелагич небезосновательно упомянул о скамье подсудимых. За свои громкие «дела» он давно стоял в розыске судом Гаагского трибунала. В отличие от Казима Хайдари, который выглядел чуть не героем в глазах международных служб, Божидар в Западной Европе уже фигурировал в качестве кандидата-подсудимого.

Тосты звучали один за другим, и застолье продолжалось, переходя во все новые фазы. Однако веселье весельем, а Пелагич появился в гостях не только затем, чтобы поглощать немалые порции горячительных напитков. Встреча проходила в рамках разработки совместной стратегии действий в крае.

– Ладно, – сказал Хайдари. – Свернем на более серьезную тему.

– А что, разве уже не до смеха? – поддел его собеседник. – Холодные руки страха за шиворот залезли?

– Я не о том.

– Согласен, – мотнул головой Пелагич. – Для того и собрались здесь.

– Ах, война... – протянул албанец. – Сколько же она еще протянется, сколько человеческих жизней унесет?

Божидар ухмыльнулся. Как и Казим, он четко представлял себе стоимость каждого конфликта, каждого кровавого события в крае.

– Все зависит от величины тех сумм, которыми ты набиваешь свои карманы. Чистая бухгалтерия. Кто бы мог подумать в свое время, что ты так полюбишь математику? – как и его «коллега», Божидар любил пошутить.

– Можно подумать, что ты мыслишь иначе. Время работает пока на нас. Каждый хочет заработать, в том числе и мы с тобой, – ухмыльнулся Казим, поигрывая вычурной ручкой ножа, которым он перед этим разрезал мясо. – Чем дольше продолжится конфликт, тем лучше мы обеспечим свои семьи.

Бывший тренер по плаванию, Казим Хайдари быстро усвоил бухгалтерию войны.

– Тебе хорошо рассуждать, получая помощь от ЕС и ваших мусульманских держав, – сказал серб.

– Так ведь и тебе жаловаться грех, – парировал албанец. – Политические круги Белграда вас тоже не обделяют.

Помощь, о которой шла речь, на самом деле направлялась рядовым жителям Косово, албанцам и сербам. Но все эти финансовые вливания до народа не доходили.

– Поговорим лучше о наших с тобой действиях. На прошлой неделе ваши обстреляли автобус с нашими детишками в Призрене, – улыбнулся Казим. – Признаю – поработали твои ребята на совесть, сделано все было отлично.

– Тебе тоже понравилось? – хохотнул Пелагич. – Мы постарались. Комар носа не подточит. Жаль, конечно, было детишек. Дети – это цветы жизни...

Он зажмурился, вспоминая события той ночи.

– Да, как вспомню, так просто слезы на глаза наворачиваются. Переворачивающийся автобус, языки пламени, клубы дыма, трассирующие пули... Бедные детишки!

Пелагич уставился на огонь камина, поджав губы. Было непонятно, шутит ли он, или издевается.

– Вот именно, – отозвался Хайдари. – Теперь наша очередь... Давай думать, чем мы вам ответим. Надо же выравнять счет в нашей игре. У меня есть два неплохих варианта: постановка мин в Дмитровице или взрыв этой церкви... как ее там... не помню, короче говоря, десятого века?

Божидар задумчиво поскреб подбородок. Выбор был непростой.

– Посмотрим... взрыв церкви Святого Георгия – это, конечно, сильный ход. Разрушение святыни подействует на наших спонсоров. Но все же это святыня, нельзя трогать. Думаю, лучше все же мины. Но сейчас это будет сложнее осуществить, – уклончиво говорил серб, переглянувшись с одним из своих приближенных.

– Почему? – нахмурился албанец. – Что-то я тебя не понимаю...

Сидящий рядом «камуфлированный» человек Пелагича вступил в разговор. Мужчина лет тридцати пяти напоминал кинематографического героя-любownika, этакого хрестоматийного красавчика. Высокий рост, почти идеальное лицо, волнистые волосы, откиннутые со лба, красиво очерченные губы – все выдавало в нем любителя развлечений, удовольствий и красивых женщин.

– Ничего необычного, – развел он руками. – До этого спокойная и устоявшаяся картина теперь резко меняется. Спокойные времена теперь, боюсь, на некоторое время отступили.

– Что такое? – нахмурился Казим. Резкие изменения, да еще не в лучшую сторону, ему были совершенно не нужны. – Что за загадки?

– С голландцами ведь мы более-менее сработались, не правда ли? Но вместо прежних миротворцев сюда прибывают какие-то французы. В Приштине ожидают три «Геркулеса» с

грузом новых миротворцев. А все эти изменения, естественно, не в нашу пользу. Вот вспомни прежних, – говорил, усмехаясь, человек серба, Милован Крайкович. – Сколько нужно было подходы искать, контакты, знакомства, выяснять, кто чем дышит... Работа была проделана немалая.

– Это я все знаю, – нетерпеливо перебил его Хайдари. – А что дальше?

– Так я же и говорю, – с ленцой, неторопливо вел разговор Крайкович. Даже своими манерами он выглядел этакой кинозвездой – спокойный, расслабленный, снисходительно, как бы сверху вниз глядящий на своих собеседников. – И вот все по новой – придется заново искать общий язык. Это же требует и времени, и затрат. Боюсь, с ними сложнее придется, чем с голландцами...

Албанец, слушая его, нахмурился, что-то соображая. Наконец он нетерпеливо махнул рукой, перебивая собеседника:

– Тогда только взрыв церкви! Это подстегнет ваших сербов на антиалбанские выступления, несмотря на миротворцев. А к смертям мирных жителей население уже привыкло – обыденность.

– А я тебе говорю, что надо ставить мины, – мутными глазами уставился на него Пелагич. – Ты что, не слышал того, о чем тебе только что говорили?

– Я все слышал, но делать мы должны так!

– Все – сказал нет, значит, нет, – грубым голосом произнес Божидар.

– Ты мне здесь не указывай! – хлопнул ладонью по столу Казим. – Хватит! Достаточно вы попили нашей крови! Ваше время закончилось!

– Закрой рот! – Пелагич вскочил на ноги, весь красный от гнева.

Его люди немедленно поднялись вслед за командиром. Лязгнуло оружие.

– Так-так, – насмешливо произнес Хайдари. – Уж не собираешься ли ты устраивать проявление типично сербской учтивости по отношению к принимающей стороне. Я не удивлюсь, если вы еще начнете здесь стрелять. Мне хорошо известно, на что вы способны.

– От сербов всего можно ожидать! – поддержали его боевики, почувствовав, что ссора неминуема и остановить ее не удастся. Положение упрощалось тем, что большинство из присутствовавших придерживалось правил известной поговорки, только немного переделанной. И позиция боевиков, как людей, мыслящих прямолинейно, звучала приблизительно так: «Плохой мир хуже доброй ссоры».

Всякие правила уважительности были отброшены обеими сторонами. Поднялись крики и взаимные оскорбления. Боевики двух сторон наконец-то могли отбросить условности и высказать все, что каждый из них думает о «партнерах».

– Ну, смотри, я тебя предупредил!

Хлопнув дверью, взбешенный Пелагич вместе со своими спутниками, выкрикивая проклятия, направился к машине. Автомобиль, взревев, тронулся с места.

Глава 7

В Брюсселе находится комиссия ЕС по делам бывшей Югославии. Ничего удивительного, что в странах, далеких от Балканского полуострова, существуют такие организации. События, происходившие в 90-х в Югославии, потрясли весь мир.

Прежде мирная страна превратилась в кипящий котел. Если раньше в этом котле народы варились, скажем так, с пользой для себя и других, если раньше в нем создавались государства, смешивались традиции и обычаи, и это давало подчас поразительный результат, то затем все изменилось. Ситуация стала почти библейской, когда брат восстал против брата, а сын против отца. Смешанные браки, которые не были редкостью среди сербов, хорватов, албанцев и других народов, населявших эту прекрасную страну, стали в одночасье проклятием для многих семей. Вскрылись проблемы, дремавшие десятилетиями. Вдруг оказалось, что между соседями, а иногда и близкими родственниками пролегла не то что река – пропасть. Вдруг религиозные и национальные отличия стали кровавым спором, решить который способен почему-то только ствол автомата.

Прежде цветущие города подвергались артиллерийским обстрелам и бомбежкам, не щадившим уникальные памятники архитектуры, которых так много на этой благодатной земле. Целые деревни во время массового безумия стирались с лица земли, а мирные жители гибли десятками и сотнями, так и не поняв, в чем же их вина. То ли в том, что одни из них сербы, а другие албанцы? То ли в том, что одни молятся Христу, а другие Магомету? Война в этом не разбиралась и убивала всех вне зависимости от того, кто есть кто.

И теперь складывалось так, что судьбы этого горячего региона, ставшего головной болью для всей Европы, решались в отдалении, в более спокойных, благополучных и мирных странах.

В уютном кабинете ощущалась прохлада, нагнетаемая двумя кондиционерами. Издавая почти неслышное гудение, аппараты делали атмосферу легкой и идеально свежей. У окна стоял большой стол, на котором все было аккуратно разложено. С одной стороны, слева, возвышалась стопка документов. Разноцветные папки, тетради – все это кто-то уложил почти идеально, в строгом порядке. Справа стоял монитор компьютера с раскрытой картой Косово. В этом не было ничего удивительного. Дело в том, что хозяин кабинета являлся одним из руководителей комиссии ЕС по делам бывшей Югославии. Этот функционер отвечал именно за Косово, за этот беспокойный край, уже много месяцев находившийся у всех на слуху.

Внешность хозяина кабинета выдавала в нем старого кабинетного работника: невысокого роста, узкоплечий, на большом носу всегдашние очки, идеально отглаженный костюм и специфически бледное лицо. Одним словом, характерная внешность для тех, кто предпочитает допоздна засиживаться над планами, отчетами и прочей бумажной работой. В народе таких называют – крыса канцелярская.

Кроме хозяина в кабинете находился еще один – молодой человек, сидевший по другую сторону огромного, словно океан, стола. Не нужно было быть хорошим физиономистом, чтобы прочитать все то, что выражало лицо гостя, типичного карьериста. Не обладая особенными талантами, такие люди начинают свою деятельность с самых низов. Пешки, они своим упорством поднимаются все выше и выше – медленно проходя каждую ступеньку. И постепенно, годам этак к тридцати пяти, они уже занимают неплохую должность.

– Ну что ж, господин Берзинс, – начал функционер ЕС, внимательно глядя на собеседника сквозь толстые стекла очков. – Я внимательно ознакомился с вашим личным делом.

Мартин Берзинс происходил из стран – новичков в ЕС. Этой страной была Латвия, которая, несмотря на тяжелое прошлое, несмотря на то, что совсем недавно осуществила свою мечту, всеми силами старалась избавиться от клейма новичка. Страны, недавно вошедшие в Евросоюз, старались сделать все, чтобы быть наравне со своими «старшими братьями». Их

представители часто теперь работали в горячих точках, а воинские контингенты обрабатывали данные им авансы, пребывая в беспокойных регионах мира, которых, к сожалению, всегда более чем достаточно.

Несколько лет назад Мартин Берзинс окончил университет, наметился на дипломатическую карьеру. Кроме самых разных достоинств, у Мартина были связи. А это – всегда неплохой довесок к карьере. Знакомства, связи – вещь универсальная. Будь ты шведом, мексиканцем или жителем солнечного Мозамбика, хорошие знакомства всегда помогут тебе в жизни. Благодаря им Мартин Берзинс сумел вклиниться в структуры Евросоюза. Дипломаты из сытой Старой Европы не слишком любят работать непосредственно в горячих точках, хоть там и платят почти в два раза больше. А новичкам из бывшего соцлагеря выбирать не приходится, и такое назначение они считают «за счастье» – хорошая возможность «зацепиться». Берзинс давно ждал для себя этой роли. Пробыв несколько лет на побегушках, теперь, получив такое назначение, он готов был сделать все, что от него требуется, и даже больше. Являясь по природе своей карьеристом, он понимал, что это все – только начало. Понимал и то, что как выполнит поручение, так дальше и будет двигаться его карьера. А уж удачу из рук, или правильнее, из зубов, он упускать не собирался.

– Мы помогаем косовским албанцам и сербам, – сказал хозяин кабинета, – и ваша задача распределить финансовую помощь на демократизацию и умиротворение. Для нас ведь неважно, кто из них кто. Для нас все равны – и сербы, и албанцы. Мы не можем проявлять предпочтение перед кем-то, мы сторона незаинтересованная.

Финансовая помощь, распределявшаяся на край, должна была пойти на издание листовок, призывающих прекратить кровопролитие, агитационных брошюр и книжек, на создание теле- и радиосюжетов местными журналистами, рекламных маек с политическими миролюбивыми лозунгами. Короче, то, в действенность чего верят многие европейцы.

– Да, но я хотел бы сразу отметить, что я не силен в этой специфике, – по-ученически поднял руку Берзинс. – У меня не финансовое образование, я не сильно разбираюсь в банковском деле...

Действительно, господин Берзинс не был силен в банковском деле, но в своем банковском счете он разбирался досконально и знал о нем практически все. Единственным не очень приятным моментом являлось то, что пока счет был весьма скромным. Однако новая и перспективная работа могла стать именно той дорогой, которая, как он надеялся, приведет его к светлому будущему.

Слушая его, хозяин кабинета покачал головой, как будто ничего другого, кроме этого вопроса, и не ожидал от гостя.

– О чем вы говорите? Никто не собирается давать вам непосильные задания, все предельно просто. Никаких безналичных проводок, – усмехнулся функционер, – туда мы возим только наличные деньги.

Такое сообщение было неожиданной новостью для Берзинса. До этого он представлял себе подобную процедуру совершенно иначе.

– Неужели? – поразился он. – Но ведь это же...

– Да-да, именно так, – кивнул чиновник. – Я понимаю, что вы удивлены, но это, к сожалению, реальность. Дикая страна. В таких государствах десятилетиями отлаженные схемы летят к черту, и ничего тут не поделаешь. Жизнь, как говорится, вносит свои коррективы. Финансы повезете в чемодане. Придется привыкать к тому, что не все так просто – все еще проще. Однако потом вы должны представить отчетность – расписки конечных получателей денег, чтобы мы были уверены, что деньги не пошли на оружие и оплату боевиков. Ответственность в этом случае только увеличивается.

Функционер кашлянул.

– Вы учтите, что и та, и другая противоборствующая сторона, если так можно назвать боевиков, просто спят и видят, чтобы заграбастать эти деньги, так что будьте вдвойне осторожны. Документы здесь – самое важное. Нас многие обвиняют – дескать, вы просто помешаны на бухгалтерской отчетности, чрезмерная бумажная работа, бюрократия. Но ведь это совсем не так, – горько улыбнулся он с видом человека, прекрасно понимающего важность своей работы. – А как же иначе? Через нас проходят большие, а подчас и огромные суммы. И важно их пустить на благое дело и не допустить, чтобы они ушли как вода в песок или того хуже – пошли на дальнейшее раздувание конфликта. А такие случаи на моей памяти бывали. Поэтому скажу с полной уверенностью – осторожность здесь не может быть лишней. Причем здесь случай просто классический – страна в высшей степени ненадежная.

– Совершенно с вами согласен, – состроив соответствующую понимающую мину, кивнул новоиспеченный эмиссар.

Он кисло слушал эту не очень-то вдохновляющую речь. Совсем легкая поездка, как ему показалось в самом начале, теперь выглядела не совсем такой.

– Ну, вы не унывайте, мой юный друг, – попробовал подбодрить его старший товарищ. – Все это только поначалу кажется чрезмерно сложным. На самом деле все не так уж плохо. Да и вообще – я вспоминаю свое время. Вот тогда были действительно проблемы. А сегодня – детские шалости по сравнению, скажем, с шестидесятыми годами. Тем более, – поднял он палец с идеально остриженным ногтем, – полетите вместе со сменой миротворцев, они же и будут осуществлять вашу охрану.

– А миротворцы-то хоть надежные? – поинтересовался Берзинс.

– Сам лично не знаком, но наслышан о том, что их командир – личность легендарная в определенных кругах.

Глава 8

Ферма, на которой жили Мирел и Ледина Касаи, располагалась в горах, среди дивных пейзажей. С утра старик и девушка были заняты делами. Чего-чего, а дел у них хватало с избытком. Крестьянский труд – дело такое: работа от зари до зари, и множества выходных и отпусков здесь не предвидится. Особенно если ты не вкальываешь на дядю, а работаешь на своей собственной земле. Так было и здесь. Работа на грядках заняла пару часов, затем пришла очередь работы на ферме. Живность они содержали всякую. В основном овец, хотя, конечно, не обойтись было без трех коров, нескольких коз и кур с гусями.

Мальчика, попавшего в новую семью, с самого начала приняли как родного. Понимая, как тяжело пришлось ему, старик, а особенно Ледина окружили его заботой. Его поили, кормили, желая оказать всякую помощь. Чувствуя его состояние, с расспросами пока особо не приставали. Да и было ясно, что мальчик особого желания поговорить не испытывает. Мальчик отвечал на все односложно. «Да» и «нет» были основными ответами на попытки развеселить маленького страдальца.

– Контужен, внучка, пацан. Небольшое ранение – потому-то и молчит, – объяснил Ледине старик. – Я такого навиделся достаточно в свое время.

Мальчику дали время освоиться. Оказалось, что он избегает общества людей. Когда Мирел предложил ему помыться, мальчик категорически отказался. Старик пожал плечами.

– Ничего, отойдет от потрясения. Время все лечит, а в таком возрасте – и подавно.

– Может, он больной? – неожиданно предположила Ледина. – Что-то мальчик совсем грустный...

– Да нормальный мальчуган! – возразил старик. – Посмотрел бы я на тебя, если бы в таком возрасте твой автобус расстреляли, а тебя чуть живую выволокли из-под горячей машины. Оклемается! А по лицу видно – мальчик умный.

В свободное от основной работы время Мирел Касаи сидел у окна и за специальным столиком резал из дерева разные фигурки. Талант резчика у него был большой, вот только никому, кроме него, это не было надо. Один из сарайчиков за долгие годы занятий Мирела превратился в целый музей. Здесь жили и сказочные птицы, и олени с огромными рогами, и много всякой самой разной сказочной живности. Когда-то Касаи участвовал в выставках мастеров народного творчества, и о нем даже сняли сюжет на телевидении, но это было в прежние времена. Сейчас всем было не до этого. Поэтому он занимался творчеством для собственного удовольствия.

Мальчик заинтересовался работой старика и наблюдал со стороны за умелыми руками старого мастера. Натруженные, мозолистые руки творили поистине чудеса. Так интересно было наблюдать, как из обычного полена постепенно появляется необычайно красивая новая фигурка. Такая работа приносила удовольствие, успокаивала и давала возможность забыть о проблемах, висевших над жителями фермы. Впрочем, похожие проблемы были у большинства жителей Косово. Война так или иначе коснулась многих. У кого-то сын воевал, у кого-то был убит, пропал без вести или находился в плену отец. А многим вообще пришлось расстаться с собственным домом, сгоревшим вместе со всем имуществом во время бомбежки или артобстрела.

Старик, орудуя резцом, тихо напевал себе под нос. Рядом осыпалась стружка с липового полена, а он, воздев очки на нос, вглядывался в то, что получалось.

Войдя в дом после очередной неудачной попытки развеселить мальчика, Ледина устало присела на стул.

– Я ненавижу их! Ненавижу их всех! – возмущенно сказала девушка. Расстегнув ворот куртки, она тяжело дышала, как будто ей не хватало воздуха.

– О ком это ты, внучка? – поднял голову старик.

– О сербах, о ком же еще. – Глаза Ледины превратились в два маленьких уголька, казалось, они могут испепелить кого угодно. – Это же не люди. Все сербы – подонки.

– Ну, зачем же ты так, внученька? – Мирел отложил резец и стряхнул с подола стружки.

– Как это зачем? А что еще можно сказать об этих христианских собаках? – Ненависти Ледины не было предела. – Среди них же нельзя найти ни одного хорошего человека! Да это и не люди вовсе. Да, не люди. Так довести мальчика, чтобы он до сих пор не мог прийти в себя! Я и так, и этак, а он только головой кивает. А что, разве это неправда? Мой отец, твой сын, несколько месяцев назад похищен. И кем? Именно ими. А где он сейчас – неизвестно. А если, – всхлипнула она, – его уже нет в живых? А если он лежит где-то под пластом земли?

Она встала и нервно заходила по комнате, тяжело дыша. Ладони невольно сжимались в кулаки, а щеки ярко горели. Ей вдруг представился отец, лежащий среди других расстрелянных людей. Думать о таком было невыносимо, но мысли упрямо сворачивали на страшные картины войны.

– Папа, – тихо произнесла она. – Папа, где ты?

Мирел молчал, слушая причитания девушки.

– И правильно, что мы сербов отсюда выгнали! – продолжала взволнованная девушка. – Еще бы из Дмитровицы их выбросить. Мы должны освободить Косово от сербской заразы. Почему мы не можем жить у себя дома, как мы хотим? Почему нам указывают чужаки, что мы должны делать, а что – нет?

Старик слушал гневные тирады внучки молча. Однако по всему было видно, что он еле сдерживается. Седые усы топорщились над морщинистыми, загорелыми щеками. Наконец его прорвало:

– Внученька, ну что ты такое говоришь? У тебя покойная бабка – сербиянка. Если ты не знаешь, то я тебе напому: у нас в Косово смешанные браки не редкость. Так что, по-твоему? Выходит, ее тоже надо было выгнать?

– Ну, я же не говорю об этом, – несколько смутилась девушка. – При чем здесь бабушка?

– А вот при том! – начал уже заводиться и старик. – Тебя послушать – так вокруг одни враги. Сколько я знал сербов еще при Тито – большинство очень приличные люди. Да и Аллах запрещает обижать последователей Исы, это «люди Книги». Ты хоть знаешь, что на Страшном суде именно Иса будет судить и нас, и иудеев, и христиан? Вот тогда-то и выяснится, кто был человеком, а кто продал свою душу шайтану.

Мирел Касаи говорил правду. По мусульманским законам христианство является уважаемым вероисповеданием, а сам Коран весьма близок к Новому Завету. К сожалению, многие толерантные положения известны далеко не всем мусульманам, чем всегда пользовались фанатики.

– Так что, сербы-четники будут нас убивать, а мы будем молчать? – воскликнула Ледина. – Легко рассуждать о том, что правильно, а что – нет. А вот они об этом не задумываются. Они действуют как хотят, несмотря на своего Ису. Даже если он был такой хороший, то они – другие.

– Да не в этом же дело, внучка! – возразил старик.

Закашлявшись, он долго не мог отдышаться. Наконец, вытерев слезы, выступившие от кашля, он продолжил:

– Пойми, внучка, резню устраивают не народы, живущие рядом. Мы столетия жили вместе. Чего только не бывало, но обычно мы были добрыми соседями. Ты думаешь, кто ссорит народы? Продажные политики, у которых нет национальности. Для них важны только власть и деньги. Разве наши соседи хотят того, чтобы мы убивали друг друга?

– Ну, я об этом и не говорю: – еще больше смутилась девушка.

– Нет, ты говоришь именно об этом. Кто вбил тебе в голову эти дурацкие мысли? Ты меньше слушай безмозглую пропаганду. Те, кто распространяет ее, только и хотят, чтобы мы – албанцы и сербы – перерезали друг друга. Тебе что, нравится война?

– Совсем нет, – горячо ответила девушка. – Я что, идиотка, чтобы мне могли нравиться смерть и страдания?

– Вот видишь, ты сама это прекрасно понимаешь.

– Конечно, я думаю, что противостояние всем уже надоело, – начала понемногу соглашаться Ледина. – Надо бы, конечно, как-то определиться и договориться.

– Вот именно, – покачал головой старик. – Вот только, пока в крае рулят учкисты Хайдари, это вряд ли удастся.

– Скоро придут новые миротворцы, – вздохнула девушка. – Может, им удастся навести порядок, этим французам?

– Да уж будем надеяться, что дело сдвинется с мертвой точки, – насупил брови старик. – Голландцы и пальцем не пошевелили, чтобы хоть как-то утихомирить войну. У меня вообще было такое ощущение, что им специально платили для того, чтобы они ничем не занимались, кроме как развлекались в кабаках.

Мирел сердито плюнул.

– Нашелся бы смелый человек, который избавил бы нас от Казима... – протянул он.

– Что ты такое говоришь? – возразила Ледина.

Она вообще-то и сама понимала, что Хайдари вовсе не тот всеобщий благодетель, за которого себя выдает.

– Он из серьезной семьи, и его люди вырежут весь род человека, поднявшего на него руку. Вырежут до последнего человека!

В определенном смысле «семья» в Албании – это родственник клан, наподобие известного многим сицилийского. Именно по такому принципу и строится албанское общество в Косово.

Среди албанцев до сих пор процветает кровная месть, и в случае убийства кого-нибудь из «семьи» мужчина должен мстить, что нередко приводит к многовековому кровавому противостоянию. Сколько семей было загублено таким вот варварским способом решения проблем за столетия, не может подсчитать никто. Да что столетия, когда этот чудовищный обычай процветает в начале третьего тысячелетия не где-нибудь в джунглях Центральной Африки, а в центре Европы, на Балканах, на родине всей европейской цивилизации?

– Что же делать? – Ледина Касаи глядела на старика, как будто надеясь, что он может дать универсальный ответ на ее вопрос.

Мирел поправил головной убор, пожевал губами.

– Надеяться на Аллаха и... Ису!

Глава 9

На аэродроме Приштины, что в Косово, в этот день было весьма оживленно. Буквально только что на летном поле приземлились самолеты с миротворцами, в число которых входили и части Иностранного легиона. Ничего необычного для Приштины в этом не было. После нескольких лет войны самолеты с гуманитарной помощью, военными, миротворцами, людьми, призванными расхлебывать заваренную воюющими сторонами кашу, приземлялись здесь каждый день, и неоднократно.

Бронированный микроавтобус с генератором выкатил из «Геркулеса». Взвод, которым командовал Мазур, осуществляя охрану, находился рядом. Рядом с Мазуром стоял и Мартин Берзинс вместе со своим чемоданом с наличностью. Коротко познакомившись с адъютантом и выяснив, что к чему, Берзинс старался держаться к нему поближе.

«Хоть и русский, а все же по сравнению с этими дикарями – соотечественник, – не без иронии думал он. – Вот до чего приходится иногда опускаться. Что поделаешь – служба такая».

Надо сказать, что русских господин Берзинс не любил. Вообще ко всем славянам он относился пренебрежительно. Однако непростые условия заставляли идти на компромиссы с самим собой.

Находясь рядом с Мазуром, он чувствовал себя куда уверенней. Тем более что чемодан буквально жег ему руки. Теперь с ним он не расставался почти никогда. Получив первое задание, да еще связанное с такими деньгами, он постоянно находился в напряжении. Часто ему казалось, что на него все смотрят, естественно, с нехорошими целями. Казалось, что вот-вот кто-то начнет вырывать чемодан. И сны ему теперь снились соответствующие – нервные, беспокойные, тревожные. Даже в уборную Мартин Берзинс отправлялся вместе со своим сокровищем. Вернее, сокровище было, к сожалению, чужое, но отвечал за него он.

Неподалеку, но на достаточном расстоянии, чтобы не бросаться в глаза, стояла неприметная легковая машина. За рулем сидел мужчина с внешностью киногероя-любownika. На лице его застыла непроницаемая мина, он был всецело поглощен своей работой, состоявшей в фотографировании всего происходящего у самолетов миротворцев. Торопливо щелкал фотоаппарат, запечатлевая все новые и новые картинки. Фотограф аккуратно снимал все по порядку. От объектива не уходило ничего: движения военных, машины. Рядом с фотографом сидел его спутник – высокий блондин. Делая паузу в съемке, Милован Крайкович повернулся к своему шефу.

– Вот он, – удовлетворенно заметил Крайкович, пристально всмотревшись в одного из новоприбывших.

Элегантно одетый молодой человек со снисходительным выражением лица что-то говорил своему спутнику.

– Прибыл наш эмиссар, – продолжал Милован.

– А с ним и наши денежки, – в тон ему ответил Божидар Пелагич. – Какая несправедливость, – театрально произнес он, – страдают сербы, а финансы этот посланник привез для албанцев. Ну ничего...

– А это что за хрень такая? Какой-то странный броневичок.

– Понятия не имею, – задумчиво отозвался Пелагич. – Меня это не наводит ни на какие мысли.

– Да, единственное можно сказать: новое оборудование.

– Странно... – вглядывался Божидар.

* * *

Человеку, ранее бывавшему в Приштине – столице Косово, сразу бросалось в глаза практически полное отсутствие здесь второго народа, населявшего вместе с албанцами эти земли, – сербов. Теперь их на улицах не встретишь. Вопрос спора двух национальностей был решен учкистами кардинально. Практически все сербы вынуждены были навсегда покинуть город, спасая жизнь. Об имуществе речи не шло – оно было разграблено албанскими бандитами. Несчастные люди лишились всего. А так – теперь все вроде было спокойно. На улицах – множество кафе, ресторанчиков, люди спешат по своим делам. Несмотря на мусульманство албанцев, нравы здесь весьма свободные, девушки ходят в шортах и коротких маечках. Город быстро растет и развивается. В нем можно встретить и типичные балканские домики с черепичными крышами, и унылые многоэтажки эпохи социализма. Магазины, лотки с овощами-фруктами, бакалеей и сигаретами. Лавки и лавчонки, супермаркеты, кофейни, пиццерии...

И только полуразрушенные, сожженные православные храмы с немым укором смотрят пустыми окнами на прохожих, только поломанные кресты на сербских кладбищах напоминают о том, что здесь жили десятки тысяч славян...

Косовский край, как и вся Югославия, – живая история. Чего только не разворачивалось на этой многострадальной земле! С начала мира эти земли были широко известны – да что там известны, сами находились в гуще событий, часто определяя мировую политику. После долгих войн этот край завоевали римские легионы, и он вошел в Римскую империю, протянувшуюся от берегов Нила до туманных предгорий Шотландии. Впоследствии судьба Косово была связана со славянами. Сербская держава, созданная в IX веке, включила в себя эти территории. Войны, войны... И самое страшное – османское нашествие. Битва на Косовом поле вошла в историю Сербии как одна из самых трагических и великих страниц ее истории. После этого на земли Косово надолго опустилась мгла. Освобождение Сербии, казалось, приведет к лучшему, однако в дальнейшем противоречия усиливались. Албанского населения в крае становилось больше, а сербов – меньше. Социалистическая Югославия на некоторое время заморозила проблему, но развязка не могла не наступить. Кровавая война, начавшаяся в этом государстве в начале 90-х, привела к распаду страны. Короткий мир, в конце концов установившийся там, нарушился новым оползнем. Споры сербов и албанцев привели к тяжелейшим последствиям, которые ощущаются и поныне.

Старый город Приштины характерен для многих балканских стран. Узкие улочки, дома под черепицей, своеобразный колорит... Магазины, кафе, на каждом шагу торгуют ракией или сливовицей – местным самогоном из слив. Албанцы, хотя и мусульмане, его с удовольствием употребляют.

Город заполнен автомобилями и микроавтобусами, принадлежащими разным международным благотворительным миссиям, не говоря уже о повсеместном военном транспорте...

Прибывший в город взвод Мазура не собирался оставаться здесь надолго. Его путь лежал дальше – в Дмитровицу. На плацу перед выстроившимся подразделением Мазур озвучивал инструкцию:

– О ваших действиях много говорить не буду. Все, что нужно, вы уже знаете. Единственное, еще раз напоминаю о нашей специфике: мы миротворцы, а из этого вытекает многое.

– И что же из этого и куда вытекает? – раздался веселый голос какого-то шутника.

– Главное, чтобы у тебя из головы мозги не вытекли. Конечно, если они там есть.

Раздался взрыв смеха. Юморист сконфуженно замолчал. Не обращая больше на него внимания, Мишель продолжил:

– Повторяю, мы с вами миротворцы и призваны развести по сторонам и удерживать противников. Отсюда железный вывод: никаких симпатий и антипатий к любой из враж-

дебных сторон. Мы остаемся в стороне. Если хотите, то мы вообще сторона третья. Запомните, ребята, – это Балканы. А этот полуостров испокон веку считался пороховым погребом Европы. Здесь проживает множество национальностей, каждая из которых считает именно себя правой и обиженной в разборках. А они здесь идут уже много столетий, – глубоко вздохнул Мазур. – Половина всех европейских войн начиналась именно здесь, на Балканах. Да вот вспомнить хотя бы начало Первой мировой. Кстати, кто из вас помнит, когда она началась?

По рядам прокатился короткий смешок. Да, умеет Мазур повеселить народ. Большинство вряд ли помнило год начала Второй мировой, что уж говорить о таких датах!

По ироническому взгляду Мишеля было ясно, что он трезво оценивал исторические познания своих подчиненных.

– Ясно. Напомню, что Первая мировая война началась в тысяча девятьсот четырнадцатом году после убийства в Сараево – это недалеко отсюда, в Боснии – австрийского эрцгерцога сербом.

– И что дальше? – послышался вопрос желающего разобраться в переплетениях судеб народов Европы легионера.

– А дальше все пошло как по маслу, – прищурился Мазур. Австрия объявила войну Сербии, а там началась цепная реакция. Подключились Германия, Россия, Турция и многие другие. В результате – невиданное доселе число жертв, революций, исчезновение с карты мира целых государств и появление новых. И такие вещи здесь происходят с завидной периодичностью. Мы с вами отправляемся в Дмитровицу. Уж если Косово – на сегодняшний день самая горячая точка на Балканах, то Дмитровица – это Косово в квадрате.

– А в чем его «квадратность»? – прозвучал вопрос.

– Отвечаю, Дмитровица – это сербский анклав среди албанского населения. До сравнительно недавнего времени на значительной части края население было смешанным, но теперь почти отовсюду сербы изгнаны. И вот сейчас Дмитровица – чуть ли не последний славянский оплот здесь. Соответственно, для одних это, так сказать, рубеж обороны, для других – последний вражеский пункт, который нужно как можно скорее ликвидировать. И борьба идет жесткая.

Он помолчал и продолжил:

– С местными – аккуратно... Особенно с теми, которые ракией торгуют! – веско, отрывисто проговаривая каждое слово, завершил он, внимательно посмотрев на Семенова.

– Вот, кстати, недавно происшедший случай. Те ребята, которые были до нас, – голландцы, отличились в этом смысле на полную катушку. Двое из этих миротворцев, будучи в патруле, зашли в один кабачок. Маленький, неприметный... До того неприметный, что потом не могли вспомнить, где же это было-то. Так вот, уж не знаю, воды они там попросили или чего-то еще, но понесло их в такие дали... Как писал в объяснительной один из них, после глотка ракии он не помнил ничего. Очнулись оба далеко за городом, в какой-то канаве, почти без одежды, с полным отсутствием документов и оружия. Вот так. Хорошо еще, что живы остались. Так что некоторым напоминаю особо: здесь не курорт.

Семенов, состроив гримасу, пожал плечами, мол, все понятно, командир.

– Ну, все, на этом инструктаж закончен. Разойтись!

Глава 10

В коттедже в горах, бывшем базой учкистов, ужинали Казим Хайдари и его приближенные. Ужин начался давно, и темы на нем поднимались самые разные. Но главную тему, естественно, обойти было нельзя. После ссоры с Пелагичем мнения «специалистов» разделились. Казим иногда любил поиграть в демократию. Нет, конечно, никаких споров с собой он не терпел и за сопротивление своей особе был готов перегрызть горло. Несмотря на то, что своих подчиненных он считал толстолобыми идиотами, иногда в их рассуждениях все-таки проскальзывало разумное зерно. И задачей Казима, как опытного комбинатора, было выбрать эти зерна и отделить их от шелухи. Так было и на этот раз. Спор разгорелся жаркий, и мнения разделились.

– Да я вообще считаю, что после того, как Пелагич показал в очередной раз, какая он сволочь, с ним не о чем и разговаривать, – проговорил низким голосом здоровенный боевик в камуфляже.

Он с хрустом обгрыз огромную баранью кость и швырнул ее в тарелку. На его темном лице, густо заросшем бородой, светились только маленькие глаза.

– Я согласен, – мотнул головой небольшого роста человек, которого все знали под кличкой «Крот». – Сговор с христианскими собаками нам просто тактически невыгоден.

– Это почему же? – поинтересовался кто-то из сидевших у окна.

– Почему? – повернулся к нему Крот. – Легко объясню.

Он, повертевшись, поудобнее уселся на стуле и, напоминая школьного учителя на уроке, принялся «разгонять» тему:

– Все очень просто – впереди самоопределение Косово, и самое время их повыгонять именно сейчас. В каждой войне ведь что главное? Не кидаться в гущу драки с криками «ура». Это каждый дурак может. Ввязаться по-глупому – хуже всего.

– Да, с ними можно разобраться потом! – отозвался сидевший рядом боевик. Пламя камина освещало его сухое лицо, которое пересекал большой шрам.

– Вот и неправильно! – сказал Крот. – Такие вещи не откладываются. Потом сделать это будет сложнее. В спокойное, мирное время проблемы такого рода выполнить будет уже невозможно. Ты что, не понимаешь? А сейчас у нас есть уникальная возможность решить сербскую проблему раз и навсегда. А иначе потом, когда наш край станет свободным, оставшиеся сербы потребуют себе автономии. И миротворцы, естественно, с этим согласятся. И вот эта автономия станет нам всем костью в горле. Нам это надо? Нет.

Он, взяв большой бокал, сделал пару жадных глотков пива и закончил свою пламенную речь, оглядывая присутствующих:

– Все возможности у нас есть сейчас, потом их не будет. Тем более что имеются и кое-какие бонусы. Пелагича можно сдать в Гаагу, а это тоже для нас весьма выгодно. Кровавый преступник, пойманный и обезвреженный нами, предстает перед высоким судом! – расхохотался Крот. – Игрок, соответственно, удаляется с поля. А нам этого-то и надо. А уж ЕС в любом случае будет помогать новому государству, которое мы и создадим. Как нам известно, распределять помощь среди прочих будешь и ты, шеф.

– Правильно! – откашлялся боевик со шрамом. – Новое государство, независимое... Ведь кто им будет руководить, как не мы, а? Только подумайте – государство Косово. Не какой-то там задрипанный край или автономная область, как было раньше, а – государство. Следом, соответственно, выборы власти. А там – выборы президента. А кому быть первым президентом Косово, как не тебе, Казим. Уж мы постараемся, чтобы так и случилось. И все – власть в наших руках!

– Нет! – стукнул кулаком по столу Казим. – Здесь решаю я. Спешить мы не будем, надо обождать.

Боевик со шрамом говорил его мысли вслух. Власть... Он сделает все, чтобы заполучить ее в руки. А кому еще руководить краем, не этим же хлюпикам, которые дальше своего носа не видят! Однако партия разыгралась непростая, и спешка была бы здесь гибельной. Нужно выиграть время.

– Если вы не знаете, то я вам расскажу, – начал Казим. – Эй, там, прекратить все разговоры!

Голоса смолкли.

– Миротворцы привезли сюда низкочастотный генератор. – Хайдари оперся на стол локтями и легонько покачивался взад-вперед, точно маятник, глядя на подчиненных и ожидая, какое впечатление на них произведет это сообщение. Однако, естественно, кроме удивления и недоумения, вызвать оно ничего не могло.

Само по себе это было неудивительно – учитывая крайнюю степень засекреченности прибора, о нем не знали даже те, кто мог бы о нем многое порассказать. Что уж говорить о боевиках, большинство из которых и школу-то не закончило. В голове у этих людей были понятия и желания куда попроще: нахапать побольше добычи, набить карманы да поиздеваться над сербами вволю.

– Это еще что такое? – сузил глаза сидевший напротив боевик. – Сколько лет воюю, а о такой хреновине слышать не приходилось.

– Нет, ну что такое генератор, я, конечно, знаю! – вставил свои пять копеек его сосед. – Но что означает его низкочастотность?

– Европа решила использовать такое средство умиротворения, чтобы прекратить войну, – терпеливо объяснял Хайдари. – Такая разработка ученых...

– Генератор! Ха-ха-ха! – Казалось, что от смеха присутствующих вылетят стекла. – Это что же, они решили с помощью моторчика войну прекратить?

Албанцы надрывались от смеха. Им казалось таким смешным, что миротворцы собрались использовать какую-то детскую игрушку. Да, эти миротворцы – просто какие-то клоуны, ни больше ни меньше.

Казим презрительно смотрел на свою орду, покатывающуюся от смеха.

«И вот с такими придурками приходится строить светлую жизнь, – иронически думал он. – Ну, ничего, в попутчиках редко попадаются люди, которых всегда было бы приятно видеть возле себя. Главное, чтобы они выполняли все, что им приказывают».

– Давайте подарим им еще детскую железную дорогу! – Одно из боевиков аж согнуло пополам от хохота. Огромный детина с ярко-рыжими волосами, он выглядел великаном, но умственное развитие его было на куда более низком уровне.

– Закройте рот, идиоты! – рассвирепел Казим, прекращая весь этот балаган. – Если вы не врубаетесь, то держите рот на замке.

Боевики понемногу, не сразу успокаивались, переводя дыхание и вытирая слезы. Да, давно они так не смеялись. Позабавил их Казим, нечего сказать.

– Ну, а как же он действует, этот самый генератор? – спросил Крот. Как один из самых умных, он сразу понял, что игрушка не так проста, какой может показаться вначале, судя только по названию.

– Ну... – замылся Казим, – я сам еще точно не знаю, но говорят, что штука необычная в действии. Она излучает определенные волны, влияющие на психику, и человек становится послушным тому, кто ему приказывает.

– Сказки все это, – ухмыльнулся худой, как щепка, боевик. – Мне никто никогда еще не мог приказывать чего-то такого, с чем бы я был не согласен. Что же я, кукла, которой управляют, дергают за веревочки? Нет уж! Генераторы какие-то придумали. Чушь все это собачья. Я верю только в реальные вещи.

С этими словами он потряс в воздухе автоматом. Парень он и правда был серьезный и воевал на Балканах с самого начала. На его счету было такое количество трупов, что в Гааге, наверное, долго думали бы, какое наказание назначить этому «герою».

– Вот эта штука действует всегда, – оскалил он зубы. – И никогда она меня еще не подводила. Хоть в стужу, хоть в зной, в снег и ветер – «АК» работает, как часы. А генераторы пускай себе пробуют эти идиоты из Западной Европы.

– Заткнись! – прошипел хозяин виллы. Его уже начинала раздражать твердолобость некоторых индивидуумов. Нет, как все-таки тяжело человеку, привыкшему двигаться в одном направлении, изменить мысли на что-то другое! Особенно если этот человек – боевик.

Эти люди привыкли верить, как и их предки сотни лет назад, только в силу оружия и себя самого. А какие-то новомодные штучки представлялись им бессмысленной ерундой, придуманной, чтобы пугать детей.

– Кое-что я слышал о таких аппаратах, – проговорил очкарик в шляпе, сидевший у окна. – А как ты узнал-то о нем? Такие вещи делаются под большим секретом...

Очкарик по имени Али был непростым человеком, в отличие от многих сидевших здесь сыновей пастухов. Несколько лет учебы в университете сделали свое дело, и в среде боевиков он считался «интеллигентом».

– Вот мы-то как раз не идиоты, – самодовольно процедил Хайдари. – И кое-что мы умеем. Не всегда надо действовать руками, иногда приходится работать головой. В аэропорту Приштины у нас свои люди, да и ЕС кое с кем деньгами делится. Если не быть дураками, то о каждой тайне, пусть даже и большой, можно узнать, причем первыми. К тому же и сами миротворцы не делали большой тайны, что собираются использовать некое «средство умиротворения».

Он помолчал, взял со стола стакан и сделал глоток.

– Меня волнует другое, – сказал он, вытирая губы. – Есть у меня подозрения, что о генераторе знаем не только мы.

– А кто же еще? – послышался голос с дальнего конца стола. – Какая тварь прознала о нем? Ты скажи, так мы этой гадине живо шею свернем. Правда, ребята?

– Само собой! – нестройным хором отозвалось воинство Казима.

– Кто? – зло оскалился хозяин. – А вы и не догадываетесь? Да Божидар, провалился он к дьяволу! Мне кажется, он им тоже заинтересовался...

– Так что, заняться генератором? – впился в него глазами Милован Крайкович. – Это я запросто, есть у меня кое-какие мысли по этому поводу...

– Нет, – покачав головой, произнес Казим. – Заняться надо, причем срочно. Но заняться Пелагичем. В данный момент меня больше всего волнует этот вездесущий шустряк.

Глава 11

Конвой миротворцев катил из Приштины в Дмитровицу.

Рядом с собой Мазур посадил Семенова. Парень с самого начала вызывал у него противоречивые чувства. Естественно, земляк есть земляк, и тут уж, как когда-то говаривал отец Мазура, «ничего не попишешь, друг ты мой любезный». Причем и парень-то, как сразу понял Мишель, в общем-то неплохой, но недалекий, и мозги не в ту сторону закручены. Поэтому ему нужно было их промыть, чем, собственно говоря, и занимался Мазур в последнее время.

– Ты пойми, – говорил он тамбовцу, – и нашему руководству, и нам прекрасно известно, что такое этот генератор. Прежде всего – прибор необычайной силы и возможностей. Подобные приборы тревожили людские умы очень давно, чуть ли не с самого начала разумного существования человека. Люди издавна задумывались, а как бы придумать что-нибудь этакое, что могло бы управлять людьми. Хорошие люди, конечно, думали об этом для того, чтобы прекратить, скажем, войны, а плохие – с противоположными целями.

– Ну, это понятно, – отозвался Семенов, внимательно слушая начальника. – Об этом даже в сказках говорится.

– Тем более, – усмехнулся Мишель. – Прибор задумывался именно для благих целей. То есть та работа, которая выполняется нами, во всяком случае, ее часть, будет возложена на генератор. Там, где слова бессильны, а оружие может натворить еще больших бед, в дело должна вступить такая машина. Так вот, ты сам понимаешь: попади генератор в руки сербских четников или албанских учкистов – последствия возможны самые непредсказуемые.

– А в чем принцип работы этого прибора? – поинтересовался Семенов. – Я в такой технике мало чего смыслю, но хотелось бы в общих, так сказать, чертах понять, с чем его едят.

Следующие несколько минут были посвящены объяснению принципов работы загадочного низкочастотного прибора. Мартин Берзинс, сидевший рядом, прижав к себе чемодан с наличностью, тоже прислушивался к «лекции» и, по всему было видно, тоже «мотал на ус».

– Вот в целом такая картина, – заключил Мазур. – Понимаешь?

– Угу, ясно, – кивнул Семенов. – Веселый приборчик.

– Очень веселый. Соответственно, с помощью устройства можно кардинально менять психику больших масс людей. Гипноз, скажем, действует подобным образом, но обычно на какого-то конкретного человека.

– Это да! – вдруг оживился Семенов. – Эту штуку я на себе испытал. Одна телка как-то меня затащила на сеанс гипноза. Я сначала не хотел идти, а потом любопытство разобрало: дай, думаю, своими глазами посмотрю, как же это удастся народ одурманивать. Пришли мы туда, как сейчас помню, полный зал народу. Этот, значит, гипнотизер, здоровый такой дядька... Усы у него закрученные, а с ним ассистентка. Вся в черном и золоте. Эффектная была девка, да...

Он на мгновение зажмурился, вспоминая.

– Чего он только там не показывал! Вызывал людей из зала, и чего они только не вытворяли! Зомбирова́л он их по полной программе. Один, значит, кричал все из зала: не верю, дескать, шарлатанство это все. Вы, мол, своих людей по залу порассаживали и только их и вызываете. Я сам, грешным делом, подумал, что так и есть. Тогда тот фокусник его из зала вызывает. С ним вместе на сцену и жена его полезла. Желая, говорит, тоже поучаствовать. Ну а он ей так культурно, значит: вы, мол, гражданочка, посидите на месте, а за супруга вашего не волнуйтесь, доставлю вам его в целостности и сохранности.

– Ну и что дальше было?

– Дальше-то? А вот слушайте. – Семенов почесал щеку и продолжил: – Она, значит, уселась на свое место, а гипнотизер занялся этим недоверчивым мужиком. Посадил его на стул и стал задавать самые обычные вопросы – кто он, где работает и прочую дребедень.

– Руками над головой водил? – спросил кто-то.

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул тамбовец. – Никаких особых телодвижений не наблюдалось. Словом, он работал.

– Короче говоря, сам на своей шкуре понял, что это такое, – заключил Мазур. – А генератор низкочастотный – «психотропное оружие», способное кардинально менять психику больших масс людей. И тоже в разные стороны. Не только в сторону умиротворения, но и в сторону беспричинной агрессии, провоцируя на погромы, бесчинства, насилие, убийства и прочее. Такое вот обоюдоострое оружие.

– Да понял я, понял! – сказал Семенов. – Вы из меня совсем уж идиота какого-то делаете. Что я, не знаю, что существуют всякие такие новейшие разработки. Прекрасно мне это известно. Я же все-таки бывший десантник. А там тоже можно кое-чему научиться.

Говоря это, Семенов вдруг расплылся в широченной улыбке, вспомнив свой первый прыжок в «десантуре». Поначалу он не боялся, но вот когда дело дошло до покидания самолета, тут-то его и застопорило. Этот прыжок он запомнил на всю жизнь. После грозного окрика командира Семенов тем не менее с силой оттолкнулся от порога и ушел в пустоту. Внутри все оборвалось, и он, падая вниз, издавал нечеловеческой силы вопли. А потом ведь ничего – прыгал и даже кайф от этого испытывал!

– Ты чего лыбишься? – поинтересовался Мазур.

– Да так, вспомнил кое-что из боевой юности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.